

I

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Профессор Каштанов, известный своими отважными путешествиями на Новую Землю и Шпицберген и исследованием Полярного Урала, занимавший кафедру геологии в X-ском университете, только что вернулся из своей лаборатории. Осенний семестр кончился, лекции и мучительные экзамены прекратились, и профессор с удовольствием мечтал о трехнедельных рождественских каникулах. Не для безделья — о нет! Еще не старый, полный сил и здоровья, он думал отдохнуть только дня два-три, чтобы проветрить голову после полугодия надоедавших своим ежегодным повторением лекций, раздражающих экзаменов, скучных заседаний факультета и совета, а затем приняться со свежими мыслями за ученую статью о геологическом соотношении Урала и Новой Земли. Идеи и сопоставления он вынашивал уже несколько месяцев, но обязательные занятия не оставляли достаточно времени, чтобы углубиться в тему, разработать и изложить на бумаге то, что намечалось в общих чертах в глубине его большой, преждевременно поседевшей головы.

Профессор не был женат и жил вблизи университета в небольшой квартире вместе со своей старушкой-матерью, норвежкой по происхождению, от которой он унаследовал любовь к северной природе с ее мягкими красками, нежными переливами тонов, бодрящим холодным воздухом и своеобразным очарованием. Благодаря матери он свободно владел пятью западноевропейскими языками — норвежским, шведским, английским, французским и немецким, а так как провел детство в Киеве, то усвоил еще польский и малорусский.

Присев к письменному столу в ожидании обеда, Каштанов пересмотрел полученную за день почту, перелистал несколько научных брошюр, присланных ему от авторов, пробежал оглавление нового номера английского географического журнала и каталог научных новинок

немецкого книгоиздательства. Наконец его внимание привлекло письмо в большом желтоватом конверте, с адресом, написанным очень четким, но мелким почерком.

Почерк своих обычных корреспондентов профессор знал отлично, и это письмо от незнакомого человека заинтересовало его.

Откуда послано письмо? Марка русская, но почтовый штемпель отпечатался не весь и можно разобрать только, что письмо было в пути двенадцать дней и послано из места, называющегося «Тун...». Очевидно, далекая окраина — Сибирь или Туркестан.

Заинтересованный всеми этими соображениями, Каштанов вскрыл конверт, развернул листок толстой гладкой бумаги и прочитал с изумлением следующее:

Мунку-Сардык, 1/XII 13

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Зная Вашу опытность в полярных исследованиях и интерес, который Вы питаете к геологии Арктической области, я предлагаю Вам принять участие в крупной экспедиции, отправляемой мною будущей весной на один или два года для изучения неизведанной части Ледовитого океана. Если Вы принципиально согласны — будьте добры приехать для личных переговоров 2 января 14 года в полдень в Москву, гостиница «Метрополь», где в этот день и час соберутся остальные предполагаемые участники экспедиции и я. Если безусловно отказывается — не откажите известить по тому же адресу. Расходы по поездке во всяком случае будут возмещены.

Вполне преданный и уважающий Вас

Николай Иннокентьевич Труханов.

Профессор опустил письмо и задумался.

— Труханов? Как будто слышал эту фамилию, но где и когда? Кажется, в связи с вопросами геофизики¹ или астрономии. Нужно навести справки. Это в высокой степени интересно. Живет где-то на границе Китая, а снаряжает экспедицию в Ледовитый океан!

Каштанов протянул руку к телефону и вызвал своего коллегу, профессора астрономии, который, к счастью, оказался дома и сообщил

---

¹ *Геофизика* — наука о физическом устройстве земного шара, его магнитных, электрических свойствах, силе тяжести, радиоактивности, температуре глубин, физическом состоянии недр.

II. СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

следующие сведения: Труханов — богатый сибиряк, единственный сын золотопромышленника, нажившего миллионы на приисках Витимской тайги. Он кончил университет в Америке и посвятил себя геофизике и астрономии, специально изучению Солнца и Юпитера, работал в обсерваториях Калифорнии и Монблана и недавно выстроил на свои средства обсерваторию на вершине горы Мунку-Сардык в Саянском хребте, на границе Монголии, чтобы воспользоваться чистотой и прозрачностью воздуха Восточной Сибири в течение долгих зим, изобилующих безоблачными днями и ночами. Он успел уже сделать интересные открытия относительно природы Юпитера.

— Но при чем тут полярные области нашей планеты? Над Ледовитым океаном атмосфера во всяком случае менее благоприятна для астрономических наблюдений, чем на горе Мунку-Сардык!

На этот вопрос коллега астроном не мог дать никакого ответа, и Каштанову ничего не оставалось, как отложить удовлетворение своего любопытства до 2 января. Он, конечно, решил съездить в Москву, запасся немедленно железнодорожным билетом, а затем энергично принялся за свою ученую статью, чтобы закончить ее хоть вчерне до отъезда.

II

СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

За десять минут до полудня 2 января 1914 года профессор Каштанов подкатил на автомобиле к гостинице «Метрополь». По случаю снежных заносов поезд опоздал, и пришлось прибегнуть к самому быстрому способу передвижения, чтобы быть аккуратным.

Швейцар гостиницы на вопрос, здесь ли остановился господин Труханов, ответил утвердительно и прибавил, что для профессора, буде он пожелает также жить в «Метрополе», оставлен номер в том же коридоре и что господин Труханов уже справлялся два раза по телефону, не приехал ли профессор.

Заняв свою комнату и быстро переодевшись, Каштанов ровно в полдень вышел в коридор и постучал в дверь номера 133, указанного ему швейцаром. Дверь распахнулась, и профессор очутился в обширной светлой комнате, выходявшей окнами на Театральную площадь, занесенную свежими сугробами снега. В комнате было уже несколько

человек. Один из них поднялся навстречу Каштанову и, протягивая ему руку, воскликнул:

— Вы аккуратны как часы, Петр Иванович, невзирая на эту погоду, настоящую сибирскую пургу! Это отличное предзнаменование для нашего предприятия. Очень рад, что вы прибыли и что имею честь видеть вас у себя! Я Труханов. Позвольте познакомить вас с остальными присутствующими.

Один за другим поднялись и были представлены Каштанову:

— Зоолог, приват-доцент Семен Семенович Папочкин.

— Метеоролог Главной физической обсерватории Иван Андреевич Боровой.

— Ботаник и врач Михаил Игнатьевич Громеко.

— Полярный мореплаватель капитан Отто Нордстрем.

— Мы только что собрались, — пояснил Труханов, — и деловых разговоров еще не начинали, хотя молодежь сгорала нетерпением узнать, в чем дело, почему и явилась несколько раньше назначенного срока, а капитан приехал со мной из Петербурга.

II. СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

На круглом столе среди этой комнаты была разложена большая карта Арктической области, на которой резкими цветными линиями были нанесены маршруты экспедиций последних пятидесяти лет — Норденшильда, Нансена на «Фраме», злополучной «Жаннетты», Кэна, Свердруп, Пири, Кука, Амундсена, «Зари» погибшего барона Толя и многих других, даже последних путешественников — Седова, Брусилова и Русанова, конечно предположительно, потому что о судьбе их в начале 1914 года еще ничего не было известно¹. К северу от Таймырского полуострова была уже намечена Земля Николая II, открытая Вилькицким только летом 1913 года².

¹ Теперь известно, что Седов, Брусилов и Русанов погибли.

² Теперь она называется Северной Землей.

Когда все уселись вокруг стола, Труханов начал свою речь:

— Как показывает вам, господа, эта карта, пять шестых Арктической области между Сибирью, Северной Европой, Гренландией и Северной Америкой искрещены маршрутами многочисленных экспедиций. Но удивительное открытие Земли Николая Второго, сделанное так недавно Вилькицким, так близко от маршрутов «Веги» Норденшильда, «Фрама» Нансена и «Зари» барона Толя, показало, что и в этой области возможны еще крупные завоевания для науки, — нужно только направить свои усилия целесообразно, пользуясь опытом всех предшественников.

После славных экспедиций восемнадцатого века — Прончищева, Лаптева, Дежнева, Беринга и тому подобных — и исследований Врангеля и Миддендорфа в первой половине девятнадцатого века на Крайнем Севере Сибири участие русских ученых в разоблачении тайн околополярной области было очень невелико и почти ограничивалось изучением Новой Сибири, Новой

Земли и Шпицбергена. Последняя экспедиция барона Толя погибла близ острова Беннетта, а экспедиции Седова, Брусилова и Русанова, скудно снабженные и легкомысленно организованные, вероятно, постигнет, или уже постигла, та же печальная участь в Карском или Баренцевом море. Если это предположение не подтвердится — мы узнаем много нового об области между Скандинавией, Землей Франца-Иосифа и Таймырским полуостровом. В ту же область проник и Вилькицкий и, конечно, будет продолжать свои исследования вокруг Земли Николая Второго. Конкурировать с ними я не хочу.

Мои планы, господа, — продолжал Труханов после небольшой паузы, — касаются другой части Арктической области. Взгляните на это большое белое пятно к северу от Чукотского полуострова и Аляски — ни одна цветная линия его не пересекает! Злополучная «Жаннетта», скованная льдами, проплыла с шестого сентября тысяча восемьсот семьдесят девятого года по двенадцатое июня тысяча восемьсот семьдесят первого года южнее этого пятна. Последние экспедиции Свердрупа и Амундсена, в которых участвовал и господин Нордстрем, здесь присутствующий и могущий подтвердить мои слова, работали восточнее, среди островов Северо-Американского архипелага.

Но в пределах этого пятна должна быть земля, никому еще неизвестная, или большой остров, только вдвое меньше Гренландии, которая по своим размерам, замечу кстати, заслуживала бы названия шестого материка нашей планеты. А может быть, там лежит целый архипелаг. Посмотрите — на восточной окраине этого пятна нанесена проблематическая земля, виденная издали Крукером, на южной — Земля Кинан. Нансен думает, что Большой земли в этой части Ледовитого океана нет; Пири, наоборот, убежден, что с мыса Фомы Гоббарда он видел на северо-западе окраину большого материка. Гаррис, член береговой и геодезической съемки Соединенных Штатов, уверен в наличии этого материка на основании изучения приливов и отливов на северных берегах Аляски. По его словам, весь ход этих колебаний морского уровня в море Бофора доказывает, что они идут не из Тихого океана через узкий и мелкий Берингов пролив, а из Атлантического океана, по глубокому промежутку между Норвегией и Гренландией, а затем, между предполагаемым материком и берегами Аляски и Сибири, эти колебания все более и более ослабевают. Если бы этого материка не было — приливная волна шла бы из Гренландского моря через Северный полюс прямо к берегам Аляски и Чукотской земли, не запаздывая и не ослабевая.

Наличность материка доказывается еще тем, что в море Бофора, открытом на запад, западные ветры усиливают приливную волну, а восточные ослабляют ее, и разница в высоте волны достигает целой сажени¹. Это возможно только в узком море, между двумя материками.

От островов Северо-Американского архипелага предполагаемый материк отделен только узким проливом. Если бы этот пролив был широк — приливная волна Атлантического океана могла бы достигать берегов острова Банка, встречаясь здесь с приливной волной, обошедшей этот материк с запада и юга, и обе волны должны были бы уничтожать друг друга. Но наблюдения Мак-Клора у западного берега острова Банка показали, что здесь все еще господствует приливная волна, идущая с запада из моря Бофора.

Итак, господа, — закончил Труханов свой доклад, — существование материка или тесной группы больших островов в этой части Арктической области можно считать почти несомненным, и остается только открыть их и занять их для России. Я узнал, что правительство Канады снаряжает экспедицию, имеющую задачей проникнуть летом этого года в белое пятно с востока, от островов Парри и Патрика. Дальше медлить нельзя — нам нужно проникнуть в ту же область с юга и юго-запада, со стороны Берингова пролива, иначе последняя неизвестная часть Арктики будет целиком изучена и занята англичанами, а не русскими.

Вот почему я решил организовать и послать туда экспедицию, а вас приглашаю принять в ней участие. Хотя во главе судна, которое повезет нас в эту область, будет стоять норвежец, но экспедиция будет все-таки русская. К сожалению, нет русских моряков, кроме состоящих на казенной морской службе, достаточно опытных в плавании среди льдов; экспедиции Седова, Брусилова и Русанова доказали это печальное обстоятельство. Поэтому я и вынужден был пригласить господина Нордстрема, известного своими успешными плаваниями в северных и южных морях.

Когда Труханов кончил свой доклад, норвежец поднялся и вкратце, перебивая русскую речь немецкими и английскими словами, изложил свое мнение о существовании Большой земли в северной части моря Бофора. Он опирался на рассказы эскимосов Северо-Американ-

¹ 1 сажень = 213,36 сантиметра. Автор использует устаревшие ныне меры, имевшие хождение во времена первой редакции романа. — *Примеч. ред.*

ского архипелага и на наблюдения за весенним и осенним пролетом птиц у северного берега Аляски. Нордстрем был убежден, что земля существует. Его рассказ вызвал несколько вопросов со стороны Каштанова и Борового, после чего Труханов снова заговорил:

— Теперь позвольте сообщить вам о ближайших планах. Судно, по типу «Фрама», но с дальнейшими усовершенствованиями на основании опыта последних плаваний, уже с осени строится в Японии, — у нас на Дальнем Востоке, к сожалению, нет хороших частных верфей. На днях оно будет спущено на воду, и господин Нордстрем поедет руководить его окончательным снаряжением. К концу апреля, по контракту, судно должно быть совершенно готовым, и к первому мая оно прибудет во Владивосток, чтобы взять вас, господа, если вы примете участие в экспедиции. До Владивостока от Москвы около десяти дней пути по железной дороге. Второго или третьего мая мы снимемся с якоря и возьмем прямой курс, минуя Японию и Курильские острова, на Камчатку, где в Петропавловске погрузим партию ездовых собак с одним или двумя камчадалами, опытными в управлении этими животными. Если бы это не удалось на Камчатке — мы можем взять собак на Чукотском полуострове, в Беринговом проливе, где придется приставать, чтобы запастись юколой¹ для собак и полярной одеждой для людей. Миновав Берингов пролив, мы направимся не на северо-запад, как «Жаннетта», а на северо-восток, прямо к искомой земле. Конечно, вскоре встретим льды и будем пробиваться через них насколько можно дальше; но весьма вероятно, что на судне мы не дойдем до берегов этой земли и высадим санную экспедицию, которая и должна будет проникнуть возможно дальше на север. Она будет снабжена припасами на год, на случай зимовки, если ей не удастся к осени вернуться назад или если судно, которое будет крейсировать вдоль южной окраины земли или сплошных льдов, не сможет подобрать экспедицию до наступления зимней полярной ночи. На окраине земли судно будет оставлять на известном расстоянии друг от друга депо с припасами, чтобы санная экспедиция могла пополнить свои запасы и на второй год, в случае какого-либо несчастья. Но если к концу будущего лета судно не вернется в какой-нибудь порт, имеющий телеграфное сообщение с Европой, весной следующего года будет от-

---

¹ *Юколой* называется на севере Сибири сушеная рыба, преимущественно из породы лососей, приготовляемая впрок для пропитания зимой собак.

правлена спасательная экспедиция для поисков судна и взятия санной партии.

Как видите, господа, — закончил Труханов, — хотя задачей экспедиции не является достижение Северного полюса с новой стороны, а только исследование предполагаемого материка к северу от Аляски и Чукотской земли, но эта задача также довольно трудная. В лучшем случае мы вернемся на родину поздней осенью этого года, может быть даже не увидав искомой земли; но более вероятно, что придется зимовать во льдах на судне или на материке и вернуться годом или двумя позже. В худшем случае мы можем погибнуть. Это каждому из нас нужно иметь в виду и устроить свои дела соответственным образом.

После некоторого молчания, во время которого каждый из слушателей мог обдумать свое отношение к делу, Труханов прибавил:

— Если бы кто-нибудь из вас теперь, после разоблачения плана экспедиции, нашел невозможным принять в ней участие, то я попросил бы его все-таки не говорить никому об этом плане до начала мая, чтобы нас не могли опередить иностранцы.

— Если я не ошибаюсь, — заметил Каштанов, — вы, Николай Иннокентьевич, говоря о санной экспедиции, выразились: «Мы ее высадим на берег или на лед». Разве вы сами не предполагаете участвовать в исследовании неизвестного материка?

— К несчастью, нет, Петр Иванович. Я поеду с вами на судне и останусь на нем все время, потому что ходить пешком почти не могу. У меня ведь одна нога, ниже колена, искусственная; я так неудачно сломал ее во время путешествия по диким Саянам, что сделался инвалидом, годным только для сидячего образа жизни.

— Кто же отправится с санной экспедицией?

— Все присутствующие, кроме меня и капитана, а также один или два камчадала или чукчи, то есть пять или шесть человек. Исследование всех трех царств природы будет обеспечено, а метеоролог, кроме атмосферных явлений, берет на себя определение долгот и широт, не так ли, Иван Андреевич?

— Совершенно верно, я имею достаточный опыт в этом отношении, — ответил Боровой.

— Я настаиваю на немедленном решении вопроса об участии в экспедиции, — продолжал Труханов. — Пусть каждый обдумает мое предложение спокойно наедине. Да, я забыл сказать, что жизнь каждого участника экспедиции будет застрахована мной в пятьдесят ты-

сяч рублей, для того чтобы его семья, если он такую имеет, не была обездолена в случае его смерти. Такая же сумма будет ему обеспечена в случае потери трудоспособности. Вознаграждение всех ученых членов экспедиции одинаковое — по шесть тысяч рублей за первый год, хотя бы путешествие кончилось осенью, и восемь тысяч рублей за второй год; конечно, все расходы по снаряжению и продовольствию несу я.

— Когда же нужно дать окончательный ответ? — спросил Папочкин.

— Через неделю в это же время. Более продолжительного срока на размышления я, к сожалению, дать вам не могу, так как в случае отказа кого-нибудь должен искать другого соответствующего специалиста, а в конце января должен вернуться в Сибирь, чтобы устроить дела своей обсерватории, которую покидаю на долгое время. А теперь, господа, перейдем в ресторан, где я, по русскому обычаю, позволю себе предложить вам сибирский завтрак, во время которого мы еще побеседуем о разных деталях.

Все шесть собеседников спустились в ресторан гостиницы, где в отдельном кабинете был уже сервирован завтрак по специальному заказу Труханова. Они отведали строганины, то есть сырой и мерзлой, тонко наструганной стерляди, кетовых брюшков,пельменей, филе дикой козы и мороженого из сибирской ягоды облепихи. Беседа имела непринужденный характер, и все шестеро, люди бывалые, обменивались воспоминаниями о приключениях своих прежних путешествий.

Через неделю в тот же час в номере Труханова собрались те же лица, кроме Нордстрема, уже выехавшего в Японию с аккредитивом на крупную сумму в кармане. Никто из ученых не отказался от участия в экспедиции, слишком соблазнительной, несмотря на предстоявшие лишения и опасности. Труханов был в восторге и заметил, что это единодушие и отсутствие колебаний среди участников заранее гарантирует успех предприятия. План обсуждался вторично, и каждый участник делал замечания по своей специальности относительно необходимого научного и личного снаряжения, о котором он сам должен был позаботиться, чтобы все было готово к назначенному сроку. Беседа опять закончилась завтраком, который участники с своей стороны предложили Труханову. На следующий день все разъехались в разные стороны, чтобы готовиться к экспедиции и заканчивать личные дела.

III В ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

20 апреля с сибирским экспрессом выехали одновременно из Москвы профессор Каштанов, зоолог Паночкин, метеоролог Боровой и врач Громеко, собравшиеся по уговору из разных концов России; через десять дней они прибыли к вокзалу Владивостока, русского аванпоста, брошенного на пороге Японского моря и мира.

В гостинице, указанной им заранее, наши путешественники нашли уже Труханова, прибывшего неделей раньше ради разных закупок и приема заказанных вещей. На следующий день, 1 мая, все пятеро встречали причалившее в порту судно «Полярная звезда» — «Stella Polaris», с капитанского мостика которого им улыбалось загорелое лицо Нордстрема. Через четверть часа та же компания из шести лиц, которая пять месяцев ранее собиралась в номере 133 гостиницы «Метрополь» в Москве, обменивалась новостями в чистенькой кают-компании прибывшего судна.

В течение трех дней производилась нагрузка угля, смазочных масел, всевозможных съестных припасов, консервов, прибывших из России разных предметов научного снаряжения и личного багажа членов экспедиции, которые на третий день сами перебрались на судно, чтобы устроиться в каютах для предстоящего долгого и бурного плавания.

Утром 4 мая все было готово, таможенные формальности кончены, экипаж и пассажиры на местах. Отплывавшее судно провожала только небольшая группа русских моряков, заинтересовавшихся своеобразной конструкцией «Полярной звезды» и тщательно осмотревших ее с разрешения Труханова. Последний позаботился о том только, чтобы никто не знал о назначении судна, и сведения об отправившейся экспедиции должны были появиться в газетах и попасть в научные журналы только после выхода «Полярной звезды» в море.

Плавно рассекая волны бухты Золотого Рога, «Полярная звезда» в полдень обогнула Ослиные Уши и направилась мимо острова Русского на восток, в последний раз послав салют из двух маленьких пушек, стоявших на носу и на корме и назначенных для сигнализации. Все пять членов экспедиции с капитанского мостика провожали глазами уплывавший вдаль город, раскинувшийся амфитеатром по холмам, позади зеленой бухты; в душе каждого из них невольно вставал

вопрос: «Увижу ли я когда-нибудь опять эти берега и родину вообще?» И каждому становилось немного грустно. Но свежий морской ветер и легкая качка, начавшаяся после выхода из бухты, быстро закончили с береговыми воспоминаниями и заставили всех интересоваться только вопросами дня.

Кроме капитана Нордстрема и его помощника, также норвежца, экипаж «Полярной звезды» состоял из девяти норвежских матросов, подобранных молодец к молодцу, и шести русских — машиниста, его помощника, двух кочегаров, повара и лакея, исполнявшего также обязанности буфетчика и эконома. Так как в Петропавловске можно было пополнить запас угля, то до Камчатки Труханов велел идти на всех парах, и прислуга у котлов и машины имела достаточно работы. Второе пополнение должно было произойти в Беринговом проливе, куда за две недели до отплытия «Полярной звезды» ушел японский пароход с грузом товаров для чукчей и углем для экспедиционного судна. Но к северу от пролива никакое пополнение чего бы то ни было не могло уже иметь места.

Раздался гонг, призывавший к завтраку, и путешественники, бросив последний взгляд на оставшуюся позади темную полосу родного берега, спустились в кают-компанию. Труханов и Нордстрем познакомили их за трапезой с историей постройки и снаряжения судна в Японии. Чтобы скрыть его действительное назначение от чересчур любознательных японцев, пришлось сделать официальное заявление, что судно строится для правильных торговых рейсов из Владивостока к устьям Колымы и Лены через Берингов пролив и потому должно быть приспособлено к плаванью среди льдов. Только после этого японские власти, ревниво следящие за развитием русского мореплавания в Тихом океане, разрешили постройку. Чтобы успокоить подозрительность японского консула во Владивостоке, пришлось даже взять у администрации порта соответствующие мнимому назначению судна торговые документы.

После завтрака все поднялись опять на палубу, чтобы взглянуть на темную массу острова Аскольд, последний клочок родной земли вплоть до Камчатки. Миновав его, «Полярная звезда» повернула на восток; ветер затих, и судно плавно рассекало голубые волны Японского моря, уходявшего теперь на юг и восток за горизонт. Только на севере, на расстоянии пятнадцати — двадцати верст, тянулась темная линия уссурийского берега, на котором уже нельзя было различать

никаких подробностей. На закате солнца за мысом Поворотным и эта линия быстро исчезла из вида.

При резком повороте судна на северо-восток Каштанов, провожавший глазами диск солнца, скрывавшийся за горизонтом, спросил Труханова:

— Я вижу, что мы не зайдем в Хакодате, главный порт северного японского острова Хоккайдо?

— Совершенно верно. Если бы мы хотели посетить его, мы должны были бы держать курс по-прежнему на восток. Но Хакодате отнял бы у нас целый день. Мы идем прямо к проливу Лаперуза между южной оконечностью Сахалина и Японией.

— И ни в какой порт не будем заходить?

— Ни в какой, если сильный шторм не заставит нас сделать это. Но барометр стоит высоко, и до Курильских островов шторма не предвидится.

— А там?

— Там холодное Охотское море, наверно, наделает нам неприятностей. Этот скверный угол Тихого океана всегда дает себя знать судам, держащим курс на Камчатку. Внезапные штормы, туманы, дождь или снег, особенно весной и осенью, там бывают постоянно. Но это будет для нас подготовкой к полярным условиям.

Благодаря спокойному морю все в эту ночь выспались отлично и отдохнули после суеты и хлопот дорожных сборов, не дававших ни минуты покоя.

Предсказание Труханова оправдывалось. Барометр резко упал, подул пронзительный норд-вест (северо-западный ветер), небо заволочло серыми тучами, и пошел мелкий осенний дождь. На широте мыса Терпения «Полярная звезда» повернула почти на восток и вступила в открытое Охотское море, все больше отдаляясь от Сахалина. Началась сильная боковая качка, и путешественники провели очень беспокойную ночь.

На следующий день погода не улучшилась. Дождь, крупа, снег сменяли друг друга. Темные волны с белыми гребнями пены плавно накатывались на левый борт, обдавая брызгами всю палубу. Пришлось сидеть в кают-компании, коротая время в разговорах; Папочкин и Боровой, плохо выносившие качку, не появлялись ни за завтраком, ни за обедом. Нордстрем сходил с своего поста в рубке только на короткое время. К счастью, шторм не был сильный и за ночь даже

IV. СТРАНА ДЫМЯЩИХСЯ СОПОК

ослабел. Утром впереди показалась темная масса острова Парамушир, самого крупного в северной части Курильских, а справа виднелись меньшие острова Маканруши и Онекотан с вулканом Тоорусыр, из которого поднимался густой столб дыма. Ветер прекратился, и дым шел прямо вверх, расплываясь в верхних слоях атмосферы в серое облако, еле заметное на пасмурном небе. В нескольких милях к югу, из воды, подобно исполинскому столбу, отвесно поднимался утес Авосси, словно огромный черный палец, грозивший судну. Белая полоса прибоя резко отделяла его основание от поверхности моря, казавшегося при сером освещении оливково-зеленым. Все острова вулканического происхождения и сложены из туфов¹ и лав; на них насчитывают двадцать три вулкана, из которых шестнадцать действуют более или менее постоянно. Угрюмыми темными массами острова поднимаются из серых волн холодного моря, и склоны их покрыты только стелющимся кедром. Во все времена года густые туманы часто гостят на островах, обитаемых редкими семьями рыбаков. К востоку от островов дно Тихого океана резко понижается на громадную глубину в 9000 метров, образуя впадину Гускарора, протягивающуюся и вдоль берегов Японии, — самую глубокую на земле; частые землетрясения составляют обычное явление на этих островах, как и в Японии.

IV

СТРАНА ДЫМЯЩИХСЯ СОПОК

После полудня попутный ветер позволил распустить все паруса, и «Полярная звезда» с удвоенной быстротой понеслась к Камчатке, уже видневшейся на горизонте. Вскоре поравнялись с мысом Лопатка, и перед глазами путешественников потянулась линия сопок, одни были конические, другие притупленные, соединенные друг с другом ровными гребнями невысоких хребтов. Снега, покрывавшие стройные конусы сопок, и гребень промежуточного хребта ярко белели на

---

¹ *Туф* — горная порода, состоящая из пепла, выброшенного вулканом при извержении; пепел — раздробленная на мельчайшие частицы газовыми взрывами лава. Он накапливается на склонах и в окрестностях вулкана в сухом виде или падает в воду озер и прудов, где постепенно слеживается и цементируется в твердую породу.

темном фоне неба. Лунная ночь позволила войти безопасно и в узкие ворота Авачинской бухты, и тихим ходом, убрав паруса, «Полярная звезда» прошла между высокими скалами ворот и очутилась в обширной бухте, на берегах которой ни один огонек не выдавал присутствия человека. Было уже за полночь, и маленький городок Петропавловск спал. Спокойные воды бухты серебрились при ярком свете луны, а на севере, вдали, поднимался стройный конус Авачинской сопки, подобно белому привидению на темном фоне неба. В воздухе чувствовался легкий морозец. Казалось, что Камчатка объята еще зимним сном.

Через час судно бросило якорь в сотне шагов от берега возле сонного городка; грохот цепей разбудил сотни собак, и ночная тишина была нарушена лаем и воем, на который, однако, никто из горожан не обратил внимания. Этот концерт повторялся и позже не один раз, очевидно составляя обычное явление.

Утром путешественники были разбужены беготней и возней, начавшейся на палубе. Происходила погрузка угля, пресной воды, провизии. Все поспешили наверх. Яркое солнце поднялось уже высоко над горами, и город ожил.

После шестисуточного плаванья всем хотелось почувствовать под ногами твердую почву; поэтому позавтракали наскоро и воспользовались шлюпкой, отправлявшейся за провизией, чтобы переправиться на берег. Там уже все население Петропавловска, от грудных детей до стариков, едва передвигавших ноги, собралось, чтобы поглазеть на судно и его пассажиров, услышать последние новости с далекой родины, узнать, не привезены ли нужные им товары. Это население, впрочем, не превышало трехсот или четырехсот человек и представляло небольшую толпу на берегу. Позади нее на пологом склоне расположились в живописном беспорядке жалкие домишки горожан, среди которых выделялись по величине и солидности постройки — городское училище, больница, новый дом губернского правления и несколько торговых складов.

Путешественников поразило отсутствие чего-либо похожего на улицы. Домишки были расположены так, как вздумалось их строителям-хозяевам: одни стояли лицом к бухте, другие боком, третьи даже наискось. Вокруг каждого дома разбросались амбары, сарайчики, навесы для скота, вешалы для юколы. Во многих местах лежали еще кучи и поля грязного тающего снега, из-под которых к морю сбегали ру-

IV. СТРАНА ДЫМЯЩИХСЯ СОПОК

чейки мутной воды, заставлявшие прохожих делать прыжки, так как ни тротуаров, ни мостков не было. К счастью для горожан, почва Петропавловска состоит из вулканического пепла в виде мелкого серого песка, выбрасываемого время от времени Авачинской и другими действующими сопками Камчатки. Этот песок, даже пропитанный водой, не давал грязи; но в нем ноги увязали довольно глубоко.

Несколько добровольных проводников, присоединившихся к путешественникам, наперебой объясняли последним, кому какой дом принадлежит, из кого состоит семья, сколько у хозяина собак и другого движимого имущества. Поразившее всех полное отсутствие домашней птицы и мелких животных объяснилось тем, что ездовые собаки, без которых на Камчатке существовать нельзя, но которых, особенно с конца зимы, когда истощаются запасы юколы, держат впроголодь, уничтожают всякую мелкую живность. Эти собаки, красивые мохнатые звери различной масти, виднелись вокруг всех домов; одни грелись на солнце в живописных позах, другие рылись в домашних отбросах, третьи дрались или играли друг с другом. Путешественники с интересом рассматривали этих животных, родичи которых должны были принять участие в экспедиции «Полярной звезды» в качестве средства передвижения по снегам и льдам неизвестной земли. По случаю окончания зимнего пути и полной распутицы на Камчатке собаки пользовались теперь заслуженным отдыхом и незаслуженным великим постом, заметным по их впалым бокам и голодным взорам.

Несмотря на зигзаги, которые приходилось постоянно делать между домами и их пристройками, путешественники меньше чем в полчаса обошли весь город и выбрались за его пределы, где ботаник надеялся собрать весеннюю флору. Но его надежды были обмануты — везде лежал еще глубокий снег, и только на более крутом косогоре, успевшем оттаять, нашлись молодые листья анемонов. Весна на Камчатке, благодаря обилию зимних снегов и влиянию холодного Охотского моря, начинается поздно, и земля освобождается от снега только в конце мая. Но зато и осень затягивается до половины или конца ноября.

С верхней окраины города открывался чудный вид на всю Авачинскую бухту, окруженную кольцом гор, местами круто обрывавшихся темными утесами к глади вод, местами же сбегавших пологими склонами и разрезанных долинами речек, уже освободившихся от оков зимы.

Кольцо гор отступало от берега бухты только на западе, где виднелась низменная дельта речки Авачи. У устья последней можно было различить домишки одноименного селения, единственного, кроме Петропавловска, жилого места на берегу этого великолепного бассейна, имеющего около двадцати верст¹ в поперечнике, могущего вместить флоты всех великих и малых держав, прекрасно защищенного со стороны моря и тем не менее поражавшего зрителей своей пустынностью. На его гладкой поверхности не белел ни один парус, зато окружающие горы, поросшие лесом, белели еще под зимним покровом.

Спустившись к берегу, наши путешественники сделались свидетелями любопытной сцены. Возле воды стояли, связанные попарно, тридцать собак, назначенные для экспедиции. Они были окружены несколькими матросами и толпой любопытных, но вели себя очень беспокойно — выли, дрались и делали попытки к бегству. На воде у берега стояла большая неуклюжая лодка, в которую собирались грузить стаю. Коренастый мужчина, обнаженный до пояса, очевидно каюр, то есть собаковод, схватил пару сопротивлявшихся и вывихивших животных за шиворот, отнес их в лодку и посадил у кормы. Но как только он повернулся к ним спиной, чтобы идти за следующей парой, умные собаки, очевидно недолюбливающие путешествия по воде, выскочили на берег и смешались с остальными. Это повторилось несколько раз, ко всеобщему удовольствию зрителей. Не помогали ни пинки, ни крики — псы не желали покидать свою родину. Каюр выходил из себя и ругал собак русскими и камчадалскими скверными словами, зрители хохотали и подавали различные советы, собаки выли — гвалт стоял невообразимый. Наконец каюр придумал остроумный, хотя и не очень приятный для косматых пассажиров способ их посадки. Он оттолкнул лодку шагов на пять от берега, вручив ее причал одному из матросов, и затем стал бросать собак попарно через воду в лодку, несмотря на их сопротивление. Извиваясь в воздухе, псы шлепались на дно, вскакивали затем передними ногами на борт и выли отчаянно, но прыгать в воду не решались. Когда лодка наполнилась всеми беспокойными парами, продолжавшими прыгать и выть, ее нос подвели к берегу. Матросы и каюр быстро вскочили и взялись за весла. При первом же взмахе последних стая, словно по мановению волшебного жезла, затихла и молчала в течение всей переправы. Но

---

¹ 1 верста = 1066,8 метра.

IV. СТРАНА ДЫМЯЩИХСЯ СОПОК

как только лодка толкнулась о корпус «Полярной звезды», концерт возобновился с удвоенной силой. С берега было видно, как собак парно поднимали на палубу в корзине, спущенной с борта судна на веревке, и как каюр носил их в отведенную им загородку, где хорошая порция юколы заставила их примириться с своей участью.

Суэта на палубе, грохот якорной цепи и вой встревоженных собак рано разбудили на другой день путешественников, которые не поленились подняться наверх, чтобы бросить последний взгляд на городок и его обитателей, собравшихся на берегу для проводов судна. При криках «ура», «счастливый путь», сопровождавшихся маханием шапками и платками, и при вое собак, поднявшихся на задние лапы и смотревших на берег через борт, «Полярная звезда» сделала плавный поворот и полным ходом направилась через бухту к воротам. Берег

Обручев В.

О 24 Плутона : роман / Владимир Обручев ; ил. З. Буриана. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 400 с. : ил.

ISBN 978-5-389-19619-3

САМАЯ ПОЛНАЯ РЕДАКЦИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА «ПЛУТОНИЯ» С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ЗДЕНЕКА БУРИАНА!

«Плутона» В. А. Обручева — это увлекательный фантастический роман о путешествии в земные недра, где герои, переживая невероятные приключения, попадают в удивительный мир, давно исчезнувший с поверхности планеты.

Книга пользовалась (и продолжает пользоваться до сих пор) огромной популярностью как в России, так и за рубежом и выдержала большое количество переизданий. Однако в полном виде «Плутона» была напечатана лишь однажды, в 1924 году, когда впервые вышла в свет. С тех пор текст много раз сокращался советской цензурой и, вынужденно, самим автором. Теперь, спустя почти сто лет, первоначальный вариант романа снова приходит к читателям.

Уникальность настоящего издания состоит также в замечательных иллюстрациях Зденека Буриана, никогда ранее не публиковавшихся в России.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ ОБРУЧЕВ

ПЛУТОНИЯ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Валерий Камендо, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.10.2021. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 32,25.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в типографии «ПНБ ПРИНТ» (SIA «PNB Print»)
«Янсилы», Силакрөгс, Ропажский район, Латвия, ЛВ-2133
www.pnbprint.eu

У-ВНК-28367-01-Р